

КАВКАЗЪ.

1853.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 3 р. 30 к.
 Полугодовое . . . . . 4 . 30 к.
 Газета печатаетъ съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Тифлисѣ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Канторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петерб. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Канторахъ.

Его Императорское Величество соизволилъ отдать слѣдующіе приказы:

Въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ.

Сентября 1-го дня 1853 года, утромъ. Зачисляется Помощникъ Сигнайскаго Уѣзднаго Начальника, Губернскій Секретарь, уволенный изъ Поручиковъ Днѣпровскаго Пѣхотнаго полка Штабъ - Капитаномъ, **КНЯЗЬ ДЖОРДЖАДЗЕ**, по Арміи, прежнимъ Поручичимъ чиномъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Въ присутствіи Своемъ въ Москвѣ.

Сентября 1-го дня, вечеромъ. Назначаются: Состоящіе по Арміи: Исправляющій должность Анапскаго Команданта, Генералъ-Маіоръ **МИРОНОВЪ 1-й**, Начальникомъ 3-го Отдѣленія Черноморской Береговой Ливіи, на мѣсто состоящаго по Кавалеріи Полковника **КОЛЮБАКИНА 2-го**, Командиръ Черноморскаго Ливійскаго баталіона № 15-го, Полковникъ **МАСЛОВИЧЪ 1-й**, Командантомъ въ кр. Новороссійскъ, на мѣсто Подполковника **ОЗНОБИШИНА**, а сей Командантомъ

въ кр. Анапу, — оба съ оставленіемъ по Арміи: **Командирами Черноморскихъ Ливійскихъ баталіоновъ**. Черноморскихъ Ливійскихъ баталіоновъ, Маіоры: № 7-го, Командиръ оного, **ВИННИКОВЪ** — № 15-го. № 13-го, **МАРСКИЙ** — № 7-го.

Высочайшимъ Приказомъ, по Военному Вѣдомству, о Чинахъ Гражданскихъ, Августа 30-го дня 1853 года, Производится за выслугу лѣтъ: изъ **Коллежскихъ въ Статскіе Советники**. Директоръ Походной Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, **ЗОЛОТАРЕВЪ**.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть: назначаемое по ст. 1,290 Т. III. Св. Уст. о сл. по опред. отъ Прав. (изд. 1842 г.) чиновникамъ за выслугу въ Закавказскомъ крайъ законеннаго числа лѣтъ прибавочное жалованье производить имъ впредь до новой выслуги или до увеличенія прибавки изъ тѣхъ самыхъ источниковъ, изъ

которыхъ отпускалось имъ жалованье по той должности, по коей назначена самая прибавка, не перевода уже сего прибавочнаго содержанія на сумму земскаго сбора или городскихъ доходовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда получающіе оное чиновники займутъ до новой выслуги должность, по которой штатное содержаніе производится изъ означенныхъ источниковъ, съ тѣмъ, чтобы при перемѣщеніи чиновниковъ на должности, по которымъ штатное содержаніе производится изъ Государственнаго Казначейства, прибавочное жалованье, назначенное имъ по прежнимъ должностямъ за выслугу незаконныхъ лѣтъ изъ земскихъ сборовъ и городскихъ доходовъ, не было уже относимо на счетъ Государственнаго Казначейства.

ТИФЛИСЪ, 19-го Сентября.

8 числа текущаго мѣсяца, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, въ Тифлисскомъ Сіон-

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Два дни въ Манглисѣ.

Не знаю навѣрно, любезный читатель и любезнѣйшая читательница случилось ли вамъ, не смотря на всю вашу свѣтскую находчивость, загрузнѣться иногда выборомъ предмета для разговора; хоть, наиримѣръ, тогда когда съ незнакомою особю надобно вамъ побесѣдовать въ сладкій промежутокъ во время танца перекрестныхъ шаръ кадрили; разубѣгелся, умъ вашъ не позволяетъ допустить возможности минутъ совершеннаго молчанія, а все-таки сознайтесь, подчасъ бываетъ неловко, и ежели вы искренни, то конечно не въ слухъ, но припомните, что не одинъ разъ прекрасное, краснорѣчивое и весьма удачное разсужденіе о времени года, погодѣ, выручило васъ изъ бѣды! И такъ, небудемте начинать на избитую тему бесѣды и общія восклицанія: *о знойномъ днѣ, прохлада вечера, блескъ луны и благоуханіи цвѣтовъ!* Природа дѣйствительно достойна изученія и Ральфъ Вальдо Эмерсонъ правъ, увѣряя, что она преимущественно должна обращать на себя вниманіе человѣка.

Но я увлекся и забылъ, что знаменитый американскій философъ—поэтъ и его школа не имѣютъ ничего общаго съ положеніемъ, въ какое поставленъ фельетонщикъ тифлисской газеты, которому приходится дать отчетъ за время, когда благодаря востерннмъ жарѣ, чернило вымывало въ чернильницѣ всей иннущей братіи. Къ счастью недостатокъ этой чернилицы голубой влаги только періодическій и не останавливаетъ полезныхъ трудовъ Закавказскихъ литературныхъ дѣятелей. Поблагодаримъ Всевышняго за прохладный сентябрь! Будь у насъ такая жара крутой годъ, какъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, мы не прочитали бы и романа, кото-

раго авторъ докзалъ намъ, что можетъ истинная *«сила воли»* и русская литература лишена бы была единственной грузинской идиаліи съ скромнымъ заглавіемъ: *«Михако и Нина»*.

Дѣло въ томъ, что тифлисская жара чрезвычайно располагаетъ къ лѣни, лѣнь къ власти рѣшительно восточной, неизвѣстна европейцамъ, власть къ аналіи. На улицахъ пыльно, душно, въ комнатахъ нелучше, — всѣ желающіе жить дѣлательно бѣгутъ изъ города: кто скрывается въ Боржомѣ, кто въ Кожорахъ, иные уѣзжаютъ на Бѣлымъ-Ключъ, другіе въ Манглисѣ. Въ августѣ такъ пусто въ Тифлисѣ, что даже некому было дѣлать оныты для и вѣрки круговращательнаго движенія столовъ, вкружившихъ не одну голову и не одно сердце, въ которое магнитическая жидкость проникла че, езь лучшій изъ всѣхъ проводниковъ: розовый пальчикъ прекрасной женской ручки.

Словомъ, за прошлый мѣсяць рѣшительно нѣтъ у меня никакихъ для васъ, читателя, свѣтскихъ городскихъ новостей, за то ежели найдете естественнымъ переходъ отъ болтовни о минувшей жарѣ къ воспоминанію объ одномъ изъ близкихъ прохладительныхъ урочищъ Гиндлеса, да еще полюбознательствуете узнать, какъ тамъ провели 29 и 30 прошлаго іюля, постараюсь подѣлиться съ вами впечатлѣніями дней, сохраненныхъ въ памяти моей такъ живо, какъ только сохранить въ ней можно искреннее и изящное.

Урочище Манглисѣ, лежащее въ разстояніи 43 вер. отъ Тифлиса, въ нынѣшнемъ году пользовалось особеннымъ и вполнѣ заслуженнымъ расположеніемъ городскихъ жителей; не было почти ни одного чепанятаго или домика, а домиковъ этихъ чистенькихъ, уютныхъ, но удобныхъ много.

Возвышенное мѣстоположеніе Манглисѣ, здоровый климатъ, увлекательныя окрестности, очаровательная для прогулокъ сосновая роща, удобства сельской жиз-

ни и наконецъ милое оживленное общество, встрѣчаемое почти всегда въ штабъ-квартирахъ полковъ Кавказскаго Корпуса, вотъ данныя, которыя найдете для жизни въ этомъ уголку, надѣленномъ и щедрою рукою природы, и отдѣланномъ трудолюбивыми руками Русскаго солдата и изящно кокетливымъ вкусомъ военныхъ дамъ, умѣющихъ во всеяъ выказать присутствіе свое, даже какъ-то особенно горшки съ цвѣтами разставить на окнѣ, затѣйливо расположивъ дорожки въ небольшомъ садикѣ около домика.

Пусть говорятъ, что хотягъ, злые насмѣшники, завидующе жизни полковаго кружка, а каждая штабъ-квартира и общественная жизнь въ ней, имѣетъ какую-то прелесть полувѣстнаго заманчиваго; это не деревня со всею ея однообразностію простоты, но и не городъ съ жеманствомъ средняго кружка; эти десятка два, три семействъ, соединенныхъ часто узлами искренней дружбы, иногда разрозненныхъ шибко проходящею невзгадою, живущихъ скромно, веселящихся безъ претензіи, семействъ умѣющихъ, довольствоваться немногимъ, нечуждыхъ образованія, но и не приторныхъ педантизмомъ науки, гостеприимныхъ, словомъ милыхъ, право счастливые многихъ, имѣющихъ честь играть роль въ такъ называемомъ въ городахъ *«світѣ»*. Конечно, и здѣсь жизнь не безъ колючки—доброта не безъ ѣдкаго сарказма, дружба не безъ зависти, любовь не безъ эгоизма, радость не безъ слезы, но человѣкъ лѣзть долженъ пройти тернистый путь жизни; нигдѣ не найдемъ идеальныхъ людей, а здѣсь по крайней мѣрѣ нѣтъ ничего уродливо—пошлаго. Бульте справедливы, снисходительный читатель, добрая читательница, не будьте по женски проникательны! зачѣмъ отыскивать зло, зачѣмъ улыбаться, не дурно иногда смотря сквозь пальцы принять вещи такъ, какъ онѣ кажутся....

Возвратимся однакожь на Манглисѣ.

скомъ Кафедральномъ соборѣ, Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Архіепископомъ Экзархомъ Грузіи совершена, по чиноположенію церковному, хиротонія настоятеля Генатскаго монастыря, Архимандрита Іоанна во Епископа Гурійскаго, прѣвѣщеніи преосвященныхъ, — Евѣмїа Епископа Имеретинскаго и Іоанна Епископа Горійскаго, Викарія Грузинскаго.

(З. В.)

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА

Хроника наша такъ долго дремавшая, какъ бы усыпленная удручившими жарами—просыпается вмѣстѣ съ оживленіемъ Тифлиса.

Временные обитатели окрестностей начинаютъ съезжаться въ городъ, по улицамъ встрѣчаемъ знакомыя лица, ночью больше свѣта въ окнахъ и многолюднѣе вечеромъ на бульварахъ. Завтра мы соберемся подъ изысканные своды нашего театра и забудемъ лѣтнюю скуку подъ мелодическіе звуки Лукреціи. Не забудутъ-ли и дачные жители впечатлѣній, произведенныхъ на нихъ красотою природы при яркомъ блескѣ освѣщенія, громѣ оркестра и красивой пестротѣ дамскихъ нарядовъ?... Дирекція Театра, пекущаяся о доставленіи музыкальныхъ наслажденій Тифлисской публикѣ, и желая съ каждымъ годомъ утончать и разнообразить удовольствія—не подкадила въ этомъ году ни трубу, ни издержекъ для достиженія своей постоянной цѣли. Въ Тифлисѣ прибыли изъ Італіи новая примадона, теноръ и много другихъ сюжетовъ для оперы. Москва отпустила къ намъ на зиму нѣсколькихъ танцовщицъ и танцовщиковъ. Кто помнитъ талантливую актрису Яблочкину, доставлявшую намъ такъ много удовольствія отличными исполненіемъ ролей сварливыхъ и кропотливыхъ старухъ, того мы можемъ обрадовать вѣстію о прибытіи ея. И искусный танцоръ Манохинъ не измѣнилъ тѣмъ, которые такъ единодушно и чистосердечно хвалили его въ

прошлую зиму; онъ тоже возвратился на здѣшнюю сцену.

Какъ о полезномъ нововведеніи хроника наша не можетъ умолчать объ освѣщеніи въ ночное время часовъ на зданіи Корпуснаго Штаба. Не всякій Тифлисскій житель имѣетъ хронометръ или что нибудь подобное, а распределение занятій и удовольствій на извѣстные часы—доступно почти всякому, по этому многіе искренно поблагодарятъ за это даровое измѣреніе времени.

Хроника начиная свой осенній сезонъ извѣстіемъ объ Итальянской оперѣ, будетъ дѣлиться новостями о ней въ продолженіи всего абонемента и бенефисовъ. Дѣло ея старшаго товарища фельетона разсуждать о ходѣ оперы, возхвалять ихъ или нѣтъ, — во смиренномъ изтопнѣ будетъ сообщать только о времени новыхъ постановокъ и вообще обо всемъ томъ, что входитъ въ кругъ ея обзора; но въ ожиданіи пока открытіе театра откроетъ ей и фельетону плодородное и богатое поле для жатвы—мы приподымаемъ теноръ немного уголокъ занавѣса, скрывающаго до сихъ поръ отъ взоровъ публики вновь прибывшихъ артистовъ и скажемъ, что Маріанна Руффи новая примадона прелестна и появится въ первый разъ на нашей сценѣ на дѣлахъ въ роли Лючіи, а теноръ обладаетъ очень хорошимъ голосомъ.

ПОѢЗДКА НА РОДИНУ.

(Окончаніе.)

25-го мая мы переправились на маленькой лодкѣ черезъ рѣку Рінь, который здѣсь принимаетъ размеры, напоминающіе судоходныя рѣки Россіи, пустивъ предварительно лошадей впасть, и я не безъ особеннаго чувства вступилъ первый разъ, послѣ пятнадцати лѣтъ отсутствія, на почву родной земли.

(*) См. № № 67 и 68 нашей газеты.

29-го минувшаго іюля въ Мангисѣ ожидали пріѣзда Его Свѣтлости Князя Михаила Семеновича Воронцова, возвращавшагося изъ ур. Боржомъ; чувства, которыя наполняютъ сердце каждаго, имѣющаго счастье служить подъ начальствомъ героя Краоны и Дарго, при радостной надеждѣ встрѣтить его какъ дорогаго гостя, соединились съ другимъ важнымъ и памятнымъ для Эриванскаго Карabinieri полка событіемъ, а именно: приготовленіемъ къ торжественному приватно портрета Августѣйшаго Шефа полка.

Портретъ этотъ, написанъ былъ въ С.-Петербургѣ художникомъ *Боттичелло*, представляетъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича во весь ростъ; Его Высочество изображенъ на первомъ планѣ картины въ полной парадной формѣ полка, на второмъ и третьемъ виденъ лагерь съ живописными группами войскъ, въ дали синева горъ. Прекрасный темный колоритъ неба, служащаго фономъ картины, отдѣляетъ первый планъ ея отъ глубины оставленной въ полу-свѣтѣ.

Мы имѣли счастье видѣть Его Высочество во время незабвеннаго пребыванія Его въ здѣшнемъ краѣ и не касаясь артистическаго исполненія картины, недоступнаго разбору при незначителномъ для истинно-художнической критической и добросовѣстной оцѣнки, скажемъ, что сходство поразительно, а въ цѣломъ картина производитъ прекрасный эффектъ.

Огромный ея размѣръ, великолѣпная золоченая рама рококо, затрудняли, вѣроятно, немало при перевозкѣ портрета изъ столицы; но тщательное вниманіе сохранило это произведеніе безъ малѣйшаго поврежденія и 28 іюля картина была помѣщена на возвышеніи въ залѣ, въ которой предполагалось дать базъ 30 іюля.

Базъ и зала! при этихъ двухъ словахъ вы вѣроятно воображаете, что-то въ родѣ обыкновенныхъ залъ, съ кирпичными или деревянными стѣнами, освѣщенныхъ богатыми люстрами, съ хорами для музыки, однимъ

словомъ базъ и залъ, какъ всѣ базъ и залы вездѣ на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ приготавливаютъ мороженое, а прекрасный полъ любятъ потанцовать; ничуть не бывало, вы въ заблужденіи читатель, и я обязанъ познать васъ ближе съ зданіемъ, которое въ продолженіи четырехъ дней явилось какъ будто бы выдвинутое изъ земли волшебною силою и которое въ одинъ день исчезло, какъ будто нежелая принять уже другихъ гостей и при другихъ обстоятельствахъ.

Вѣковыя сосны Мангисской рощи въ одномъ мѣстѣ образовали довольно обширную площадь; счастливая мысль построить тамъ временный навильонъ съ полукруглымъ сводомъ, опираться его галереями, позволяющими присутствовать въ залѣ, неѣшая усерднымъ поклонникамъ Терпсихоры, отдѣлать по сторонамъ особую гостиную, помѣщеніа для уборной, музыки, буфета, и крѣпъ все сукномъ и холстомъ, такъ чтобы вездѣ можно открыть волшебный шатеръ и освѣжить устаыя въ вихрѣ полки пары, убать все разноцвѣтною драпировкою, украсить зеленью и цвѣтами, эта счастливая повторная мысль была исполнена прекрасно съ изысканнымъ вкусомъ и стараніемъ. Въ два дня остова такого обширнаго навильона и прочно сдѣланный гладкій полъ, неуступающій паркету, были готовы; еще не езь два дня зала удовлетворила всѣмъ самымъ изысканнымъ требованіямъ. И немудрено! при устройствѣ временнаго зданія, вызваннаго нетерпѣливымъ ожиданіемъ двойной радости, принимали участіе въ работахъ офицеры полка наравнѣ съ солдатами.

Есть что то увлекательное въ единодушномъ выраженіи благородныхъ чувствъ, какъ бы онѣ не проявились; а одинъ лишь изъ чужихъ, глядя на охотный трудъ солдата, раздѣленный съ начальникомъ, оживляемый присутствіемъ любимаго командира полка, и невольно подумаетъ, что лучшія, нравственныя качества арміи нашей обнаруживаются въ этихъ мелочахъ, не подмѣченныхъ записными наблюдателями,

Теперь къ удовольствію читателя, мы приближаемся къ концу своего разсказа, но прежде чѣмъ я опишу самое пребываніе мое на родинѣ, я долженъ просить его не считать преувеличеннымъ или невѣроятнымъ то, что я стану теперь разсказывать, а вспомнить сказанное въ началѣ этой статьи.

Итакъ, во 1-хъ пріѣздъ мой въ Гурію произвелъ въ ней такую суматоху, какую едвали въ состояніи произвести пріѣздъ самаго Китайскаго Богдохана въ отдаленный уголокъ его небесной имперіи. Меня удивляло то, что съ самаго перевѣзда черезъ границу Гуріи всякій, встрѣчавшійся съ нами килъ-ли, дзорянинъ-ли, или простой крестьянинъ, казался слышалъ обо мнѣ прежде, и пошептавшись съ моимъ спутникомъ, изъявлялъ величайшее изумленіе и поздравлялъ меня съ пріѣздомъ. Такое всеобщее удивленіе росло и увеличивалось по мѣрѣ приближенія нашего къ тому мѣсту, гдѣ проживаютъ мои родственники. Но радость, удивленіе, восторгъ и все чувства самыхъ родственниковъ моихъ, трудно описать словами. Благодаря Бога, въ мое отсутствіе, моихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, племянниковъ и ихъ дѣтей развелось чуть не тысяча и все они собрались вокругъ меня, обнимали, цѣловали меня; изъявляли непритворную радость самыми разнообразными восклицаніями и тѣлодвиженіями, въ продолженіи по крайней мѣрѣ цѣлаго часа. Наконецъ зашелъ вопросъ о томъ, у кого мнѣ слѣдуетъ остановиться, и вотъ тутъ то надобно было поглядѣть, какъ одинъ тащилъ меня въ одну, а другой въ другую сторону; одинъ умолялъ зайти сначала къ нему, выставляя ближайшее родство свое и прежнія наши дѣтскія игры и шалости; другой говорилъ, что онъ старше всѣхъ во всей фамиліи и заслуживаетъ уваженія по своимъ лѣтамъ; словомъ меня чуть не разорвали по клочкамъ. Я отъ души смѣялся этимъ наивнымъ изъявленіямъ привязанности и дружбы ихъ и, чтобы

недоступныхъ постороннему глазу и совершенно непонятныхъ для иностранца!

При описаніи увеселеній, вызванныхъ чувствомъ, ускользаешь подъ перомъ неуловимая живость минуты, исчезаетъ прелесть ея и часто бездарность пишущаго перебиваетъ то, что было истинно высоко торжественнымъ, въ приторныхъ общепринятыхъ лестныхъ фразахъ, которыя читаютъ, но которымъ нѣтъ нѣдрити; на этотъ разъ, сознавая трудность и неспособность переложить достойнымъ образомъ видѣнное, я увѣренъ, что предметъ разсказа моего найдетъ отголосокъ въ сердцахъ, не растратившихъ еще возможности сочувствовать истинѣ хотя и необладающей въ изложеніи прелестію виѣшней формы.

Но описаніе слишкомъ медленно идетъ впередъ, вѣстная мысль раздробляетъ главный предметъ, оставимъ разсужденія.

29 іюля п. д. день, солнце ярко освѣщаетъ живописную дорогу, переѣченную небольшими оврагами, кое-гдѣ выдавшися скалою и, мѣстами, затѣнную дѣсомъ; — о дорогѣ съ довольно крутой горы не егя на всемъ скаку добрыхъ коней до сорока всадниковъ, блескъ знаменъ и шашекъ, снѣжно-бѣлые чехлы ихъ фуражекъ видны изъ далека, вѣтъ выѣхали на поляну, — съ лѣва, съ права отдѣляются по нѣсколько человекъ, удало джигитуютъ. — молодецкая джигитовка видно имъ по душѣ, иначе и быть не можетъ, многіе изъ нихъ свыклись съ нею, слыша неоднократно свистъ пули горца въ ущельяхъ Двостана, въ горахъ и на полянахъ Чечни. На этотъ разъ однакожъ не въ бой плутъ карabinieri, слишкомъ щеголеватъ сѣдла всадниковъ и сбруя ихъ коней, не вѣтеръ за ними по дорогѣ, словно змѣй, сверкающая шыками колена егерей, — шлы только въ слѣдъ бѣжить. Остановились на курганѣ сошли съ коней, — кажется не те, цѣлливо кого-то ждуть, желаютъ кого-то встрѣтить.

Открытая мѣстность, окаймленная съ одной сторо-

успокоить и удовольствовать всѣхъ, я сказалъ, что проведу у каждаго изъ нихъ поочередно, начиная съ старшаго, по одному дню. И такъ всѣ мы двинулись торжественно къ жилищу старика—дяди, который пригласилъ къ себѣ и прочихъ родственниковъ на радостный семейный праздникъ.

Мы расположились предъ его домомъ на лу-гу, въ тѣни деревьевъ. Былъ уже вечеръ, но слухъ о моемъ приѣздѣ, вѣроятно, успѣлъ распространиться во всѣхъ ближнихъ и дальнихъ окрестностяхъ, потому что въ короткое время вокругъ насъ собралась большая толпа. Всѣ глядѣли на меня, какъ на какое-нибудь заморское чудо—и были центромъ, куда устремлялись всѣ взоры, каждое мое слово, всякое движеніе, улыбка ловились на лету. После непродолжительныхъ привѣтствій и рекомендацій, начались безконечные распросы. Я долженъ былъ рассказать имъ все, что видѣлъ въ продолженіи пятнадцати-лѣтняго отсутствія. Я рассказывалъ имъ о неизмѣримости Русскаго Царства, объ обширности его городовъ и селъ, о богатствѣ естественныхъ его произведеній, объ огромныхъ рѣкахъ и озерахъ, орошающихъ его долины. Всѣ эти вещи были для нихъ совершенно новы и въ высочайшей степени занимательны. «Далеко-ли отсюда до Петербурга и велико-ли Русское Царство?» спрашивалъ меня одинъ изъ собесѣдниковъ. «Россия такъ обширна, отвѣчалъ я, что если бы, напр., кому нибудь вздумалось поѣхать отсюда въ Петербургъ верхомъ, на лошади, какъ обыкновенно вы ѣздите въ Тифлисъ, то надобно бы было ѣхать полгода, а если бы кто вздумалъ доѣхать до самыхъ далекихъ предѣловъ ея, то и въ три года бы не поспѣлъ. А между тѣмъ Русскій Царь знаетъ обо всемъ, что здѣсь происходитъ, меньше чѣмъ въ три недѣли». Тутъ я долженъ былъ дать имъ кое-какъ понятіе о почтахъ и станціяхъ. «Но этого мало, говорилъ я, теперь, недавно, выдумали

такую дорогу, что по ней летать быстрее, чѣмъ птицы, такъ что если бы дорога та была устроена отсюда до Тифлиса, то мы могли бы завтра утромъ закусить въ Тифлисъ». Тутъ объяснилъ я имъ устройство желѣзной дороги; изумленіе моихъ слушателей было крайнее—одни изъ нихъ крестились, другіе смотрѣли на меня съ какимъ-то недоумѣніемъ, какъ будто это я придумалъ желѣзную дорогу; признаюсь, что это наибольшее удивленіе моихъ слушателей крайне меня занимало и подстрѣкало мое самолюбіе, и я нарочно старался еще болѣе подвѣствовать на ихъ умы. Въ слѣдъ за рассказомъ о желѣзной дорогѣ я прибавилъ, что можетъ быть будетъ время, когда люди будутъ летать по воздуху, и рассказалъ нѣсколько видѣнныхъ мною случаевъ воздушнаго плаванія. «Боже мой, восклицали мои слушатели, какъ можно быть такимъ дерзкимъ, чтобы подняться на воздухъ». «Да это противно Богу», говорили другіе. Но всѣ были проникнуты живѣйшимъ восторгомъ. «А ты можешь сдѣлать воздушный шаръ?» спрашивалъ меня дядя. Тутъ я долженъ былъ раскрыть имъ, что одинъ и тотъ же человекъ не можетъ изучить всѣхъ наукъ, и отсюда перешелъ къ рассказу о различныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, о множествѣ учащихся, о различныхъ предметахъ и цѣляхъ изученія. Между тѣмъ стало темно и вскорѣ подали ужинъ и когда бесѣда оживилась подъ вліяніемъ вкусныхъ кушаньевъ и неменѣе вкуснаго вина, меня просили рассказать что нибудь о Петербургѣ. Желая внушить имъ понятіе о столицѣ, я сказалъ: «Петербургъ такъ великъ, что въ немъ живутъ больше народа, чѣмъ во всей Гуріи, Имеретіи и Мингреліи. Тамъ есть такіе огромные дома, что въ одномъ домѣ помѣщается иногда до трехъ тысячъ и болѣе душъ». Но болѣе всего удивляло моихъ слушателей множество учащихся, и когда я сказалъ, что въ Россіи можетъ быть болѣе 20 тысячъ дѣтей воспитыва-

ются на казенный счетъ всѣхъ, были изумлены до крайности». Какъ это хорошо! восклицали многие изъ нихъ. За это-то Богъ и возвеличилъ Россію, за это-то и прославилъ Русскаго Царя, говорилъ одинъ съдой старикъ, что онъ призываетъ, счастливить столько христіанскихъ сиротъ. Что можетъ быть лучше этого: тебя возьмутъ, кормятъ, поятъ, выучатъ всему и наконецъ дадутъ тебѣ службу и жалованье». Но еще болѣе изумились мои слушатели, когда я сказалъ, что тамъ воспитываютъ точно также и дѣвицъ, какъ мальчиковъ.

Когда подали превкусныя жареныя форели, которыхъ много водится въ тамошнихъ рѣчкахъ, меня спрашивали, много ли рыбы въ Россіи. Я рассказалъ имъ при этомъ одинъ случай, который произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Прѣзжая зимою чрезъ Донскую станцію Оксай, я увидѣлъ на площадкѣ цѣлую гору мерзлыхъ рыбъ; издали мнѣ показалось, что это лежатъ дрова; но подошедши ближе, былъ изумленъ и не зналъ откуда взялось столько рыбы. «А вино тамъ хорошее?» спросилъ меня одинъ. «Вотъ вина-то тамъ нѣтъ вовсе», сказалъ я. «Вайме! вайме! воскликнули мои слушатели, вотъ это ужъ плохо! какъ же тамъ живутъ базъ вина? Вѣдь нашъ братъ безъ вина и двухъ дней не проживетъ!» «Тамъ пьютъ все квасъ, сказалъ я; а квасъ это такая вещь, что если зальетъ кто нибудь выпьетъ его, то можетъ заболѣть; но народъ тамъ здоровѣе и крѣпче насъ. А все это зависитъ отъ привычки». Когда же разговоръ опять коснулся ученія и одинъ изъ собесѣдниковъ спросилъ меня: чему обучаются столько дѣтей, я старался растолковать моимъ слушателямъ обширность науки. Все, что находится на небѣ и на землѣ, говорилъ я, все это люди изучаютъ, изслѣдуютъ. Была уже ночь, на небѣ блистало тысяча звѣздъ. Указывая на нихъ, я говорилъ: «вы видите на небѣ звѣзды; до нихъ далеко отъ земли, но и туда дошелъ умъ человѣческой.

ны цѣпью горъ, съ другой лѣсомъ,—вершина горы, увѣчанная грудой камней, остатками разсыпанной сторожевой башни и всадники, занявшіе вершину, все составляло въ цѣломъ прелестную съ прозрачными воздушномъ и лазурью юго-восточнаго неба картину. Башню, преграждающую входъ въ ущелье, развалило время, давно высохла кровь, пролитая храбрыми сынами Грузіи, быть можетъ задерживающими здѣсь неоднократно врага, несущаго въ православную землю грабежъ и смерть или оковы постыднаго рабства; теперь друіе времена, на томъ же мѣстѣ въ краѣ, защищенномъ штыками русскихъ, офицеры полка, котораго Шефомъ сынъ возлюбленнаго Монарха, ожидаютъ приѣзда того, кому самодержавный Царь вручилъ Намѣстничество Кавказа для счастья вѣрно-подданныхъ своихъ.

И невызвана эта встрѣча служебною обязанностію! Офицеры полка, сражавшагося подъ Начальствомъ любимаго всѣми вождя, собрались встрѣтить здѣсь Его Свѣтлости такъ, какъ встрѣчаютъ добраго отца,—это дань любви и уваженія къ Главнокомандующему, это только простое, но чистосердечное выраженіе чувствъ преданности къ нему подчиненныхъ!

Въ дали видны коляски и конные, передовой скачетъ во весь опоръ: «Главнокомандующій ѣдетъ» дружно крикнула молодежь и въ мигъ на коней. Черезъ четверть часа Его Свѣтлость, Ея Свѣтлость Княгиня Елисавета Кеарьеревна, Начальникъ Штаба войскъ Корпуса, его сіятельство князь Барятинскій, со свитою приблизились. Простите читателей, не передать мнѣ вамъ минутокъ встрѣчи и привѣта, есть чувства, которыхъ да недотронетъ безжизненное перо!

Высоко гости при вѣздѣ въ урочище Манглисъ приняты были хозяйкою дома, ея сіятельствомъ княгинею Ниною Багратіонъ-Мухранскою, суи угою командира полка, ур жденною княжною Даіанъ, выѣзжавшею на встрѣчу верхомъ, на лихомъ снѣжно-бѣломъ персидскомъ конѣ, въ живописномъ нацио-

нальномъ костюмѣ, въ сопровожденіи командира Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка князя Ильи Дмитріевича Орбеліана.

Грузія славится гостеприимствомъ, хлѣбосоольство русскаго солдата извѣстно; одно съ другими соединенное подъ руководствомъ заботливой хозяйки Манглиса было исполнено съ тою мною предупредительностію и радушіемъ, которыя равно драгоценны въ чертогахъ вельможъ, какъ и въ хижинѣ простолюдина. Вечеромъ зданія, окружающія обширную площадку, освѣтились великолѣпно и рядъ ихъ огненныхъ продольныхъ линій затемняли въ различныхъ мѣстахъ толпы гуляющихъ; празднество было общимъ, единодушнымъ. Жизнь кипѣла, а звуки хора полковой музыки, вѣроятно перенесли не одну мысль къ ожидаемому на другой день балу; такъ созданъ человекъ: не успѣвъ покончить съ настоящимъ, бѣжитъ съ желаніемъ къ будущему и немного кажется насчитаемъ дней, вечеровъ и ночей, которыя хотѣлось бы возобновить съ условіями совершенно тождественными прошедшимъ. Чтожь дѣлать? предстоящее дѣйствительно имѣетъ больше правъ, нежели прожитое.

30-го іюля въ 8 часовъ вечера, ярко освѣщенная зала пестрѣла уже разнообразностію прекрасныхъ женскихъ европейскихъ и туземныхъ нарядовъ; съ прибитіемъ Его и Ея Свѣтлости балъ былъ открытъ.

Длинной вереницей поды звуки польскаго танцюющіе проплы изъ залы пара за паромъ, до всѣхъ извилинамъ парка, украшеннаго множествомъ разноцвѣтныхъ фонарей; едва умогли степенные звуки, шибкій тактъ вальса вихремъ унесъ молодежь.

Но что вамъ за дѣло, читатели, до очереди танцевъ, не буду исчислять и числа ихъ и названій; ненужно также говорить, что всѣ веселились отъ асей души, изъ предидущаго легко о томъ догадаться.

Послѣ олушевленной и продолжительной мазурки, присутствующіе сѣли за столы поставленные въ гале-

реяхъ кругомъ залы; оживленная за минуту до того средина ея осталась пустою, но зато чуднымъ былъ видъ этой каймы изъ разнородныхъ лицъ и блестящихъ костюмовъ.

Тостъ за здравіе Государя Императора, провозглашенный командиромъ полка, встрѣченъ былъ громкимъ, единодушнымъ русскимъ «ура!», взрывомъ буркаковъ и торжественнымъ народнымъ гимномъ: «Боже Царя храни!» Въ слѣдъ за тѣмъ пилъ тосты за здравіе Государыни Императрицы, Августѣйшаго Шефа полка, Ея Высочества Государыни Цесаревны, всей Императорской фамилии и наконецъ Его Свѣтлости Намѣстника Кавказа и супруги его.

Начальникъ Штаба войскъ Корпуса Его Сіятельство Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, подъ предводительствомъ котораго въ Чечнѣ баталіоны Карабинернаго полка принимали участіе въ доблестныхъ подвигахъ егерей имени Князя Воронцова и Чернышева полковъ, провозгласилъ тосты за здравіе: храбрыхъ карабинеровъ, командира полка и супруги его хозяйки бала.

Такимъ былъ вечеръ 30 іюля, драгоценный для каждаго изъ присутствующихъ, по причинамъ вызвавшимъ его, радушію приѣма и искренности чувствъ, отличался барскимъ великолѣпіемъ и задушевною неподдѣльною, и будь сказано между нами, рѣдко встрѣчаемою на балахъ веселостію.

Отъ описаннаго отдѣляеть насъ уже много дней, но воспоминаніе гостеприимства, которое насъ встрѣтило въ Манглисѣ, останется на долго, и долго вспоминать будемъ радушный приѣмъ бывшаго командира полка, о назначеніи котораго командиромъ Кавказской резервной гренадерской бригады полученъ былъ Высочайшій приказъ на другой день послѣ бала.

Иванъ Коробковъ.

Есть люди, которые знают движенія сихъ звѣздъ, которые знаютъ гдѣ какія изъ нихъ находятся теперь и будутъ находиться послѣ. Наконецъ, чтобы довершить изумленіе моихъ слушателей, я предсказалъ имъ полное солнечное затмѣніе, которое должно было случиться чрезъ три недѣли, именно 15-го іюля вечеромъ. Въ продолженіе всѣхъ сихъ разсказовъ вниманіе моихъ слушателей было въ высшей степени напряженія, но когда я коснулся затмѣнія солнца и сталъ объяснять его причину удивленіе ихъ незнало границъ, и перешло почти въ ужасъ. «Неужели это правда? спрашивали многіе; да какъ люди могли за сотни лѣтъ угадать, что именно 15-го іюля нынѣшняго года луна заслонитъ отъ насъ лучи солнца?» «Господи Боже мой! восклицалъ одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ, съдой старикъ, и нашу жизнь въ этихъ лѣсахъ тоже можно считать жизнью? Мнѣ семьдесятъ лѣтъ, а я дитя въ сравненіи съ тобою!» Другой изъ моихъ слушателей, раздѣлявшій со мною дѣтскія игры, говорилъ: «что я, что ты теперь! Вотъ что значитъ ученіе». Признаюсь эти наивныя и простодушныя восклицанія невольно и внезапно дали новое направленіе моимъ мыслямъ; я задумался на минуту. Предавался до сихъ поръ съ удовольствіемъ, даже со страстью, ученію, приходя въ восторгъ при всѣхъ новыхъ истинахъ, озарявшихъ мой умъ, я не имѣлъ времени думать ни о чемъ болѣе; но эти восклицанія невольно заставили меня подумать о томъ, какимъ неизмѣримымъ разстояніемъ отдѣляетъ людей другъ отъ друга просвѣщеніе и степень званія. Неболѣе какъ пятнадцать лѣтъ я бѣгалъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ, какъ дикаръ, а теперь меня слушаютъ здѣсь, какъ саушака древніе Пифію съ пророческаго треножника. Я живо почувствовала тогда всю цѣну знанія и возблагодарилъ въ душѣ благое providѣніе, доставившее мнѣ возможность пріобрѣсти его. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли кому нибудь удавалось встрѣтить такой благоприятный случай, гдѣ бы такъ ярко и блистательно выказывалась вся польза образованія, вся цѣна знанія, неизмѣримая высота, на которую возносятся просвѣщеніе человека. Это напряженное вниманіе, эти вытянутыя лица, эти глаза, устремленные на меня, восклицанія, жесты, удивленіе, съ какимъ слушали меня, противу воли встали моему самолюбію. О вы, доктора, магистры, кандидаты и все другія степени учености! чтобы вамъ вполне насладиться своимъ знаніемъ, чтобы вполне измѣрить свою ученость и испытать пріятное чувство удовольственнаго самолюбія, самолюбія учености, побывайте хоть разъ въ такомъ обществѣ, разверните хоть разъ свои знанія предъ такими простодушными и удивленными слушателями. Въ обществахъ образованныхъ, гдѣ всякій болѣе или менѣе ученъ, или покрайней-мѣрѣ имѣетъ претензію на ученость, никто не можетъ возбудить такого участія; тамъ всякій почтеть за стыдъ награждать кого нибудь столь лестнымъ вниманіемъ; но тутъ все слушаютъ васъ какъ дѣти, вѣрятъ вамъ, удивляются и свободно, безъ застенчивости, высказываютъ свои чувства. Но когда разговоръ нашъ такимъ образомъ продолжался болѣе трехъ часовъ, я сталъ замѣчать, что удивленіе моихъ собесѣдниковъ отъ моихъ разсказовъ мало по малу перешло къ моей особѣ. Иначе, при всей наивности и при всемъ простодушіи моихъ слушателей, трудно понять вопросъ, который неожиданно и весьма серьезно сдѣлалъ мнѣ одинъ изъ нихъ. «Когда ты былъ въ Петербургѣ, сказалъ онъ, часто ли обѣдалъ съ Царемъ?» Я вспомнилъ еще при этомъ, что въ бытность мою въ учебномъ заведеніи въ Петербургѣ,

одинъ изъ моихъ родственниковъ также весьма серьезно просилъ меня письмомъ, чтобы я попросилъ Царя опредѣлить одного изъ его дѣтей въ какое-либо училище, и расхохотался отъ души. Я объяснилъ имъ всю смѣшную сторону этого вопроса. «Развѣ такому человеку, какъ я, можно имѣть личный доступъ къ Государю», говорилъ я. «Это вамъ кажется я важнымъ человекомъ, но въ Россіи такихъ людей, какъ я, есть миллионы, и подобные мнѣ предъ лицами, окружающими Царя все равно, что эта трава предъ этимъ деревомъ, или воробей предъ орломъ. И много другихъ смѣшныхъ и поучительныхъ вопросовъ и ответовъ предлагалось мнѣ въ продолженіе этого длиннаго разговора; но пересказывать все было бы слишкомъ долго. Весь слѣдующій день провелъ я въ разсужденіи тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекли первыя дѣтскія мои лѣта; чувства мои при этомъ будутъ понятны для тѣхъ, кому подобно мнѣ удавалось послѣ долгаго отсутствія возвратиться на родину столь довольнымъ и можно сказать счастливымъ. Но я не стану утомлять читателей описаніемъ ихъ, а скажу нѣсколько словъ о Гуріи и о ея жителяхъ.

Гурія весьма небольшая при берегахъ Чернаго моря страна, составляетъ нынѣ уѣздъ Кутаисской губерніи, а до 1804 года, когда она присоединена къ Россіи, она составляла отдѣльное княжество, принадлежавшее князьямъ Гуріели, изъ коихъ послѣдній былъ Мамя Гуріели. Вся эта страна покрыта густыми лѣсами, иде почти непроходимыми. Почва ея обладаетъ необыкновенною силою растительности. Всякая трава, всякое дерево получаетъ на ней огромные размѣры. Если крестьянинъ нѣсколько лѣтъ оставилъ свое пахатное поле безъ почитки, то оно зарастаетъ такъ густо, что превращается въ лѣсъ. Кукуруза, которая въ Грузіи едва достигаетъ роста въ полтора аршина, здѣсь вырастаетъ такъ, что въ ней можетъ скрыться всадникъ; самыя нѣжныя плоды и растенія встрѣчаются здѣсь въ лѣсу въ естественномъ видѣ. Шелковичныхъ деревьевъ здѣсь цѣлыя лѣса, такъ что во всякомъ крестьянскомъ домѣ держатъ и кормятъ шелковичныхъ червей и достаютъ много шелку, но болѣею частію на домашнее употребленіе; но если бы нашелся человекъ предприимчивый и съ капиталомъ, то могъ бы здѣсь пріобрѣсти большія выгоды частію разводя червей въ обширномъ видѣ, а частію закупая готовый шелкъ отъ туземцевъ за безценокъ.

Но за то нельзя не сказать, что климатъ Гуріи сырой и почва здѣсь повсюду болотистая. Это доказывается тѣмъ, что самая обыкновенная здѣсь трава, которая разрастается повсюду и достигаетъ огромнаго роста, есть папоротникъ, растеніе, какъ извѣстно, болотное. Это же доказывается тѣмъ, что во всѣхъ почти деревняхъ есть по нѣскольку человекъ или безъ ногъ или безъ рукъ, или въ вѣчной лихорадкѣ. Сырость почвы здѣсь такова, что когда крестьянинъ въ своей избѣ разводитъ огонь посрединѣ на землѣ, то огонь часто тухнетъ отъ притока къ тому мѣсту воды изъ подъ земли, и чтобы предупредить это въ землю подъ огнемъ врываютъ глиняный большой горшокъ, стѣны котораго не пропускаютъ влажности. Такимъ образомъ сырость почвы благоприятствуя растительности, вредитъ здоровью жителей.

Гурійцы составляютъ одинъ народъ съ Грузинами и по вѣрѣ и по языку и по происхожденію; но въ обычаяхъ и въ характерахъ ихъ есть много отличнаго. Господствующая черта въ характерѣ Гурійца, кажется мнѣ, есть необыкновенная подвижность. Гурійцы полны

всѣхъ страстей, легко увлекаются всѣмъ, живы и любопытны.

Изъ разговора сей-часъ описаннаго читателя могли замѣтить, что въ характерѣ ихъ много также дѣтскаго и простодушнаго. Не могу еще пропустить здѣсь одной замѣтельной черты ихъ характера. Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Кавказскій Край, ни одинъ съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ не можетъ предаваться ученію и просвѣщенію, какъ жители Гуріи. Изъ того же разговора, который я привелъ выше, читатели могли замѣтить съ какимъ жаромъ, съ какимъ восторгомъ мои собесѣдники слушали меня и какое обнаружили любопытство. Они мигомъ поняли все различіе между знаніемъ и невѣжествомъ, мигомъ объяснили себѣ все наслажденіе просвѣщенія. Но самымъ живымъ доказательствомъ моихъ словъ можетъ служить слѣдующій простой случай. Весьма недавно явился ко мнѣ здѣсь, въ Тифлисѣ, одинъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати сказалъ мнѣ, что онъ пришелъ изъ Гуріи пѣшкомъ и желаетъ учиться въ здѣшней Д. С., и просилъ моего ходатайства объ его принятіи. Я объяснилъ ему, что если онъ можетъ содержаться на свой счетъ, то нѣтъ никакихъ препятствій къ его принятію въ это заведеніе, но что на казенный счетъ по такимъ-то и такимъ-то причинамъ онъ не можетъ быть принятъ. Тогда бѣдный мальчикъ почти со слезами сказалъ мнѣ, что по сиротству своему онъ не имѣетъ средствъ содержаться самъ, но что съ нимъ старшій братъ его, и если онъ найдетъ себѣ какое нибудь занятіе въ городѣ и получитъ возможность содержать его, то онъ можетъ тогда поступить въ училище. Но, къ сожалѣнію, мечты бѣднаго учителя просвѣщенія не осуществились вѣроятно, потому что я не видалъ его съ тѣхъ поръ. Каково вамъ кажется это стремленіе мальчика. Такое сильное желаніе образованія едва ли часто встрѣчается и среди тѣхъ народовъ, которые считаютъ время образованія своего вѣками.

Г. Кякодзе.

Тифлисъ. 2-го Сен. 1855 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Содержатель гостиницы **КАРЛО МОРИДЖИ**, честь имѣетъ объявить почтеннѣйшей публикѣ, постоянно удостоивавшей его своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, что онъ, возвратясь на дняхъ изъ путешествія своего изъ заграницы, привезъ большой запасъ самыхъ лучшихъ съветныхъ принасовъ и къ 1-му Октябрю сего года откроетъ вновь свое заведеніе находящееся на Головинскомъ проспектѣ въ домѣ Зубалова. У него будутъ ежедневныя табель-оты для обонировавшихся, заказные обѣды въ самомъ заведеніи и вѣдъ онаго, и номера для прѣзжающихъ, отдѣльные вѣновъ, и по весьма сходнымъ цѣнамъ. Сверхъ того у Карла Мориджи открыто депо иностранныхъ винъ и можно получать самаго лучшаго сорта перигорскіе трюфели, прованское масло, макароны, сыры и другія всякаго рода иностранныя закуски. Все это будетъ продаваться по весьма умереннымъ цѣнамъ такъ, что доступно будетъ для всѣхъ состояній, начиная съ 5 к. сер. и выше.

По недостатку мѣста метеорологическія наблюденія прилагаются къ этому № отдѣльно напечатанныя.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.